

Осенний полдень был тих, а теплое солнце, заливая улицы, необычно убаюкивало. В это время на дороге наблюдалось затишье, и лишь небольшой автомобиль-дом мчал по широкой асфальтированной дороге.

Вэй Циньюй, глядя на удаляющиеся уличные пейзажи и центр города, видела отражение бокового профиля Цзи Сяо, сидящего напротив неё, на светлом стекле.

Цзи Сяо смотрела в телефон, и гул сообщения в тихой машине выдал, что она переписывалась с кем-то.

Вэй Циньюй наблюдала за Цзи Сяо, а её зрачки были полны непонимания.

Утром она своенравно отвергла дела тёти Ву. Почему же в полдень она передумала?

Если понять, что она ревнует к Цзи Цинъюнь и относится к ней с пристрастием, поэтому она должна поехать, то почему же она так же желает помочь ей перелезть через стену?

В голове Вэй Цинъюнь крутились разные вопросы. Она слегка сжала нижнюю губу и спросила в лоб:

— Почему ты везёшь меня на аукцион?

Цзи Сяо на некоторое время замерла на словах Ци Ци. Она вскипятила свои эмоции на некоторое время, а затем спросила: «Что, не хочешь идти на аукцион?»

Вэй Циньюй взглянул на Цзи Сяо, который был ориентирован на анти-посетителей, и спокойно ответил: «Хочу».

«Вот так.» Цзисянанг поднял голову и взял на себя высокомерный вид того, кто не сделал ничего плохого, и продолжил: «Если вы глупы, вы не сможете перепрыгнуть через стену. Не берите такси и не дайте людям убежать. Эта леди добрая и удобная. а кто не хотел бы прокатиться с вами?»

Вэй Циньюй слегка нахмурился, услышав это, и сказал: «Да, спасибо».

Услышав это, Цзи Сяо указал на заднюю половину дома на колёсах с занавеской: «Если ты действительно хочешь мне отблагодарить, иди назад, смени школьную форму, а затем выбери себе одежду. Носи это на аукцион. Недостаточно меня потерять».

Вэй Циньюй взглянул на свою школьную форму, и действительно, такого рода одежда не подходила для аукциона.

Цзи Сяо на время замерла от слов Ци Ци. Она вскипятила свои эмоции на время, а затем спросила: «Что, не хочешь идти на аукцион?»

Вэй Циньюй взглянул на Цзи Сяо, который был ориентирован на анти-гостей, и спокойно ответил: «Хочу».

«Вот как.» Цзи Сяо подняла голову, приняв самодовольный вид человека, который не совершил ничего плохого, и продолжила: «Если ты глупый, то не сможешь перепрыгнуть через стену Вай? Не едь на такси, не дай людям сбежать. Эта леди добра и изобретательна. Как можно отказать в поездке?»

Вэй Циньюю слегка нахмурился, услышав это, и сказал: «Да, спасибо».

После этого, Цзи Сяо указала на заднюю половину домика на колёсах, прикрытую занавеской: «Если ты действительно хочешь поблагодарить меня, иди назад и переоденься из школьной формы и выбери себе одежду на смену. Надень это на аукцион, а то ещё опозоришь меня».

Вэй Циньюю оглядел свою школьную форму, и действительно, эта одежда не подходила для аукциона.

Она планировала просто заглянуть в недавно открывшийся торговый центр в поиске приличного платья обуздать ситуацию, но беспокоилась, что не сможет приобрести за те жалкие гроши стоящие наряды.

В тот раз я страшился и помыслить, что Цзи Сяо решит подобную проблему самостоятельно.

Девушка молчаливо выполнила указание Цзи Сяо и направилась обратно. Сам Цзи Сяо откинулся на спинку сиденья, созерцая отразившуюся на экране телефона удаляющуюся спину Вэй Циньюю и вздохнул с облегчением от успешно выполненного поручения.

Переведя взгляд на водителя впереди, она наставительно молвила: «Ведите машину поспокойнее».

— Слушаюсь, барышня,— почтительно ответил водитель.

Солнечные блики играли на поверхности пруда, по воде мягко пробежала волна светло-золотистого цвета, а мимо головы Цзи Сяо плавно пролетела тень.

Миг спустя Вэй Циньюю очутилась рядом, впору подобранных остроносых кожаных туфлях на низком каблучке: «Простите, что заставила ждать».

Скучавшая Цзи Сяо убрала телефон, подняв глаза на Вэй Циньюю, но ее взгляд невольно задержался на секунду.

Вэй Циньюю держала голову слегка повернутой вперёд, рассыпая по всей голове длинные, чёрные волосы.

Эти бирюзовые глаза сияли, как драгоценные камни, отражённые блестящей водой за ними.

Она как раз прошла вдоль окна безразлично и попала к нему в поле внимания благодаря этому простому длинному циановому платью, подчёркивающему ещё более беспорядочную фигуру.

Ровная спина распрямляет повисшую на плечах конструкцию, а пара хрупких ключиц выпячивается из обнаженной белой кожи, изящная, но не вульгарная.

Она спокойно стояла перед Цзи Сяо, будучи горда и холодна изнутри и снаружи, какой была с детства, как будто жемчужина, упавшая в смертную пыль. Вспыхнет ослепительный свет.

Она слегка облизнула сухие губы, но нечаянно уловила лёгкий мятный запах.

Прохлада пошевелила тетиву сердца Цзи Сяо. Изначально он думал, что идиома "красивый и вкусный" — это преувеличение, но теперь он просто чувствует, что этого недостаточно.

Внезапно девушка, что попала в её поле зрения, слегка склонила голову.

В одно мгновение бирюзовые зрачки врезались в зор Цзи Сяо.

Безразличные, одинокие.

При этом — ясные и чистые.

Цзи Сяо отчётливо услышал гулкий стук в груди, по-быстрому будто он был кроликом, которого обнаружил охотник, он торопливо уходил от погони — от Вэй Цинъю, которая, по его заблуждению, неверно его поняла.

Уличные фонари и телефонные столбы под лучами солнца мигали на лице девушки.

С участвующим сердцебиением Цзи Сяо сделал вид спокойствия и оценил: «В самом деле, своя одежда украшает. Вот как выглядит „ты“, когда принарядишься».

Цзи Сяо всё же не выдержал, быстро встал и пошёл в заднюю часть кареты.

Вэй Цинъю посмотрела на вспыхнувшую за ушами Цзи Сяо красноту, что распространялась от мочек ушей до верхней части затылка, уголки её губ слегка приподнялись.

Слово «лицемерие» — идеальная трактовка альфа-силы перед ней.

Вдруг девушка, попавшая в его поле зрения, чуть наклонила голову.

В следующее мгновение бирюзовые глаза вонзились в зор Цзи Сяо.

Равнодушные, одинокие.

Вместе с тем — ясные и чистые.

Цзи Сяо отчетливо услышал гулкий стук в груди, быстро — будто он был кроликом, которого обнаружил охотник, — он торопливо уклонялся от преследования, от Вэй Цинъю, которая, по его заблуждению, неправильно его поняла.

Уличные фонари и телефонные столбы под лучами солнца мигали на девичьем лице.

С учащенным сердцебиением Цзи Сяо изобразил спокойствие и оценил: "Действительно, своя одежда красит. Вот как ты выглядишь, когда принаряжаешься".

Цзи Сяо все же не выдержал, быстро поднялся и проследовал в заднюю часть экипажа.

Вэй Цинъю взглянула на вспыхнувшую за ушами Цзи Сяо красноту, распространившуюся от мочек ушей до верхней части шеи, уголки её губ чуть приподнялись.

Слово "лицемерие" — идеальная трактовка альфа-силы перед ней.

За несколько минут до начала торгов к зданию, где проходил аукцион, плавно подъехал

автомобиль.

Цзи Сяо взял билет, который взял секретарь Цзи Цинъюнь от Цзи Цинъюнь, и показал свою личность как семейство Мисс Цзи, и спокойно ввел Вэй Цинъю в зал.

Цзи Цинъюнь сидел на третьем месте в третьем ряду посередине, и два места рядом с проходом были свободны.

Он надевает галстук, демонстрирует свои миллионные часы, издали он выглядит как джентльмен.

Цзи Сяо не хотел сидеть с Цзи Цинъюнем, но когда он подумал о том, что сдерживает Цзи Цинъюня и не делает ставок с Чен Линьцзи, он взял Вэй Цинъю в сторону, где он был.

"Отец".

В уши Цзи Цинъюня донеслось четкий и нежный зов.

Он поднял голову и посмотрел в сторону звука, перед ним внезапно появилось хмурое лицо Цзи Сяо с улыбкой.

Цзи Цинъюнь удивленно посмотрел на Цзи Сяо и сказал: "Сяосяо? Что ты здесь делаешь?"

За несколько минут до открытия торгов автомобиль плавно остановился у особняка, в котором собирались провести аукцион.

Цзи Сяо взял билет и, предъявив его охране как член семьи высокородной госпожи Цзи, свободно прошел в сопровождении Вэй Цинъю в зал торгов.

Цзи Цинъюнь занимал место в третьем ряду, третье, причем два соседних с проходом места оказались свободными.

Он был в галстуке, на руке красовались элитные часы — со спины он походил на джентльмена.

Цзи Сяо не хотелось сидеть рядом с Цзи Цинъюнем, но, подумав, что он так сможет приглядывать за ним, чтобы тот не занялся торгами с Чэнь Линьцзи, он отвел Вэй Цинъю на его ряд.

— Папа.

В уши Цзи Цинъюня донесся медоточивый, девичий голосок.

Он обернулся, чтобы посмотреть, кто его зовет, и перед ним вдруг возникло улыбающееся, но омраченное лицо Цзи Сяо.

Цзи Цинъюнь удивленно посмотрел на Цзи Сяо:

— Сяосяо? Что ты здесь делаешь?

— Папа может привести Вэй Цинъю, а я нет? — сказала Цзи Сяо и вольготно уселась рядом с Цзи Цинъюнем.

— Конечно, ты тоже можешь приехать, — с любящей улыбкой на лице произнёс Цзи Цинъюн.

Краем глаза он заметил, что Вэй Цинъюй всё еще стоит за спиной у Цзи Сяо, и добавил: — ...Просто Цинъюй у нас в неопределённом статусе, ты не хотела бы посидеть рядом с дядей?

— Да у неё есть место, она уже зарезервировала его, — поспешно сказала Цзи Сяо.

Напористость Цзи Сяо ничуть не разозлила Цзи Цинъюня, он лишь произнёс: — Ну, тогда вопрос только в том, какое место лучше или хуже. Подойди-ка сюда, сядь вон там, слева от дяди. Сейчас начнётся, первым на очереди выставлен особняк семьи Вэй на аукционе.

С первого взгляда казалось, что он приглашает её, но на самом деле это было завуалированной угрозой.

Но в этот раз у Вэй Цинъюй был козырь в рукаве в виде Чень Линьцзы, так что слабость с особняком Вэй исчезла.

— Не нужно, дядюшка, — произнесла она, сев на крайнее место и расправив плечи.

Голос был мягким, но твёрдым.

Взгляд Цзи Цинъюня вспыхнул недовольством.

Она сникла на несколько минут, а затем слегка наклонилась к Цзи Сяо и прошептала:

— Сяо-Сяо, не веди себя так с Цинъю. Хотя она и твоя сводная сестра, относись к ней как к альфе. Неужели папа не сказал тебе, что её родители умерли, и папа хочет относиться к ней как к тебе?

Тёплый голос мужчины донёсся до ушей Цзи Сяо, вызвав во всём теле влажную неприятность.

Выслушав его «зелёночайные» речи, Цзи Сяо закатил глаза.

Каждое предложение Цзи Цинъюня было пропитано бескорыстием, но в то же время каждое из них подталкивало Вэй Цинъю к извращённым попыткам прежней хозяйки.

С самого детства прежняя хозяйка была избалованной Цзи Цинъюнем и жила в полнейшей зависимости от его отцовской любви.

А теперь, когда она услышала, что он хочет поделиться этой любовью с чужой дочерью, безумная собственническая натура внутри не могла смириться с тем, что найдётся кто-то, кто составит ей конкуренцию в борьбе за отцовскую любовь.

Чем больше он дает волю бывшему хозяину, тем сильнее тот будет сопротивляться. Чем сильнее бывший хозяин сопротивляется Вэй Цинъюй, тем ужаснее будут его изоляция и пытки, и тем легче будет впоследствии Чи Цинъюню. Это бесстыдно до крайности.

Про себя Цзя Сяо ругала Цзя Цинъюня, перед ним на аукционную площадку вышел аукционист.

Кратко изложив правила аукциона, он вывел на экран фотографии красного кирпичного особняка семьи Вэй.

- Этот красный кирпичный особняк, расположенный по адресу Яньлу-лейн, 05, спроектирован

в прошлом веке немецким архитектором...

Слушая подробный рассказ аукциониста, Цзя Сяо невольно вздохнула, пораженная богатым историческим наследием особняка Вэй Цинъюй.

Она бросила взгляд на усердно выставяющего себя рядом с ней Цзя Цинъюня, взгляд ее говорил: ты никто, ты этого не стоишь.

- Начальная цена - 83,9 миллиона, шаг аукциона - 200 000. Сейчас начинаем торги.

Слова хозяина только замолкли, и вот женщина в первом ряду вскинула табличку, а в четвертом ряду тоже вскинул табличку мужчина.

Цена дома под знаками поднятия и опускания между пальцами пошла вверх с 83,9 миллиона до 93 миллионов.

Джи Сяо, прислушиваясь к называемым ценам и глядя на завсегдатая первых рядов, очевидно желающего взять приз, Джи Цинъюнь в углу неожиданно вскинула табличку.

Росчерком своей марки — баснословная цена, «Сто миллионов».

«Этот господин сразу назвал цену 100 миллионов, 100 миллионов - сумма немаленькая, кажется, господин Джи во что бы то ни стало намерен взять виллу нашего старинного друга», — расхваливая Джи Цинъюнь, присутствующую в зале, ведущая недвусмысленно кивнула ей.

Зал аукциона после ее слов погрузился в молчание, те, кто раньше поднимал руки, призадумались.

Джи Цинъюнь хочет взять приз, этот человек к тому же первоклассный. Стоит ли ради виллы его себе в качестве врага делать?

Всего лишь умолк голос хозяйки, как женщина в первом ряду подняла табличку, а вслед за ней в четвертом ряду табличку поднял и мужчина.

Цена на дом среди вздымавшихся и опадавших в руках людей табличек, начинавшаяся с 83,9 миллиона, выросла до 93 миллионов.

Джи Сяо, прислушиваясь к оглашаемым ценам и поглядывая на неизменного завсегдатая первых рядов, непременно настроенного заполучить приз, Джи Цинъюнь в углу вопреки всем ожиданиям подняла табличку.

Росчерк ее марки - и названа фантастическая цена: "Сто миллионов".

"Этот господин сразу сказал цену в 100 миллионов. 100 миллионов - сумма немалая. Видно, что господин Джи непременно настроен заполучить виллу нашего давнего друга", - нахваливая вслух присутствующую в зале Джи Цинъюнь, ведущая многозначительно кивнула ей.

Зал аукциона после ее слов погрузился в молчание, раньше поднимавшие руки и приценивавшиеся теперь призадумались.

Джи Цинъюнь во что бы то ни стало хочет взять приз, кроме того, он человек самого высокого полета. Стоит ли из-за виллы наживать себе такого врага?

Сердце аукциониста подпрыгнуло, и руки Цзи Сяо, лежавшие у него на ногах, тоже слегка сжались в углах костюма Цзи Сяо.

Вэй Циньюй, который всегда был невозмутим, вдруг переполнился волнением.

Всё, что знал Цзи Сяо, было улажено, а в глазах этой девушки - неизвестность.

Она не знала, попадёт ли ее семья в руки Цзи Цинъюня, и не знала, нарушит ли Чэнь Линьцзи своё обещание.

В этот момент с задних рядов донёсся возглас, и в глазах ведущей, стоявшей на сцене, сверкнуло удивление.

В заднем углу у двери мужчина в чёрном тренчоте и чёрных очках поднял табличку, державшую в руке.

Ведущая своим глазам не поверила и напонила: «Поскольку господин Цзи поднял цену до 100 миллионов, то на сегодня следующая ставка составляет 2 миллиона. Господин, вы твёрдо решили повысить цену?»

Чёрные кожаные перчатки отражали холодный свет, а табличка в руках мужчины так и продолжала держаться, ставя своё подтверждение.

Сердце покупателя билось в груди, а руки выставленные вперед сжали свою одежду возле ног Цзи Сяо.

Вэй Циньюй, которая всегда выглядела невозмутимой, стала необычно нервной.

Цзи Сяо все знала или знала, но эта девушка не знала ничего.

Она не знала, достанется ли ее семья Цзи Цинъюню, и не знала, нарушит ли свое обещание Чэнь Линьцзи.

В этот момент с последних рядов раздались некие вскрикивания, и глаза ведущей, которая стояла на сцене, наполнились удивлением.

В заднем углу рядом с дверью мужчина в черном пальто и темными очками поднял табличку, которую держал в руке.

Ведущая не поверила своим глазам и вымолвила: "Пока что Господин Цзи предложил 100 миллионов, мы увеличим ставку на 2 миллиона" Господин, вы уверены, что хотите сделать такую ставку?

Черные кожаные перчатки отражали холодный свет, мужчина не опускал табличку, ставя свое подтверждение.

Цзи Сяо наблюдал издали, и напряженное выражение лица Вэй Цинъюя в Юй Гуанси тоже расслабилось в этот момент. Она знала, что этот загадочный человек был Чен Линьцзи. Когда ведущий увидел это, он сделал вдох и сказал: «Этот джентльмен, ставка — сто два миллиона». Увидев это, Цзи Цинъюнь поднял табличку в руке, чтобы не оставаться в стороне. Ведущий: «Мистер Цзи, сто четыре миллиона». Чен Линьцзи тоже был уверен, что выиграет дом, и уверенно поднял табличку. Ведущий: «Сто шесть миллионов». Все невольно затаили дыхание, слушая, как ведущий зачитывает астрономические цифры. Когда боги сражаются на небесах,

простые смертные могут только смотреть вверх с земли. Видя, что цена вот-вот превысит 200 миллионов, Цзи Сяо поспешно взяла Цзи Цинъюня за руку: «Папа, что ты собираешься делать, покупая такой полуразрушенный дом за такие деньги?» Цзи Цинъюнь вытащил свою руку из руки Цзи Сяо, говоря: «Сяосяо, ты не понимаешь, это для Цинъюя».

Не понимаю, папа, ты сильно впечатлился Вэй Цинъю! А кто твоя настоящая дочь?! - спросила Цзи Сяо, увидев решение Цзи Цинъюня.

Цзи Цинъюн: "Конечно, это ты".

"Тогда, почему ты всегда так хорошо относишься к Вэй Цинъю?" - спросила Цзи Сяо и даже расплакалась, готовясь в течение долгого времени. - "Я начинаю ненавидеть папу. Ненавижу тебя за то, что ты честный и рациональный. Любовь совсем не честная!"

Как только Голос пал, из сухих глаз Цзи Сяо было силой выжато несколько капель слез. Прозрачная жидкость испарилась в глазницах, окрасила уголки глаз в красный цвет и выглядела чрезвычайно ущемлённой.

Когда Цзи Цинъюнь увидел выражение Цзи Сяо, он был ошеломлён. Он увидел Цзи Сяо впервые, и поэтому посмотрел на девушку, как на свою жизнь. Поскольку он поделил свою любовь, восемь ядовитых сердец были разбиты в мгновение ока.

Я не понимаю, папа, ты относишься к Вэй Цинъю слишком предвзятой! А кто твоя родная дочь?!- увидев решение Цзи Цинъюня, сердито спросила Цзи Сяо.

Цзи Цинъюнь: Конечно ты.

- Тогда почему ты всегда так хорошо относишься к Вэй Цинъю?-спросила всхлипывающая Цзи Сяо, которая долго готовилась к этому. Я начинаю ненавидеть папу. Ненавижу тебя за честность и практичность. Любовь совсем не честная!

Как только голос затих, Цзи Сяо с трудом выдавила несколько слезинок.

Прозрачная жидкость подернулась в глазницах, покраснела от природы и выглядела крайне обиженной.

Цзи Цинъюнь, глядя на выражение Цзи Сяо, остолбенел. Он словно впервые видел Цзи Сяо потому, что смотрел на эту девушку, как на свою жизнь. Оттого, что он разделил свою любовь, ядовитое сердце разбилось вдребезги в мгновение ока.

Поспешно бросив в руках знак, тот протянул руку, чтобы смахнуть слезу за Цзи Сяо: "Прости, Сяосяо, виноват твой отец, твой отец понял, что ошибся. Не возненавидь своего отца, ладно?"

Цзи Сяо вынесла отвращение от прикосновения Цзи Цинъюня и притворилась сердитой, но не проигнорировала его, чтобы выиграть время.

Цзи Цинъюнь оправдал ожидания Цзи Сяо, мягко улещивая ее, он забыл обо всем на свете, даже об аукционе.

"Сто восемнадцать миллионов один раз! Сто семьдесят восемь миллионов во второй раз..."

"Сто семьдесят восемь миллионов в третий раз!"

"Продано!"

В голосе ведущего, заражавшем всех присутствующих, звучали извинения Цзи Цинъюня, и Цзи Сяо мгновенно прекратила свое показное представление.

"Поздравляю джентльмена, вы приобрели эту виллу за 178 миллионов и три юаня, пожалуйста, подпишите ее в нотариальной конторе после закрытия аукциона, и мы как можно скорее проведем для вас процедуру передачи.;"

Он спешно бросил табличку в руке и с силой выдернул ладонь, чтобы смахнуть слезу Цзи Сяо: «Прости, Сяо-сяо, виноват твой отец, отец знает, что ошибался. Не ненавидь отца, хорошо?»

Цзи Сяо терпела отвращение от прикосновения Цзи Цинъюня и, притворяясь разгневанной, не стала игнорировать его, чтобы потянуть время.

Цзи Цинъюнь не обманул ожиданий Цзи Сяо, мягко уговаривая ее, он напрочь забыл про аукцион.

«Сто восемнадцать миллионов один раз! Сто семьдесят восемь миллионов два раза...»

«Сто семьдесят восемь миллионов три раза!»

«Сделка состоялась!»

В тоне ведущего, заражавшем всех присутствовавших, звучали извинения Цзи Цинъюня, и Цзи Сяо мигом прекратила свою наигранную выходку.

«Поздравляем джентльмена, вы приобрели эту виллу за сто семьдесят восемь миллионов три юаня, пожалуйста, подпишите договор в нотариальной конторе после закрытия аукциона, и мы в кратчайшие сроки оформим для вас передачу права собственности».

Цзи Сяо прислушалась к напоминанию ведущего Чэнь Линьцзи, зная, что следующее время будет возможностью для Вэй Цинъю и Чэнь Линьцзи снова встретиться.

Она шлепнула Цзи Цинъюна по тыльной стороне ладони, притворившись успокоенной, и сказала Вэй Цинъю на стороне: «Ты, пойдди купи мне бутылку напитка».

Вэй Цинъю не отказался, когда услышал эти слова, а молча встал со своего места с телефоном и направился к двери.

Дверь за ним открылась и закрылась, и голос ведущего прозвучал и тут же исчез.

Стоя перед торговым автоматом с меняющимися огнями, в голове Вэй Цинъю были наполнены красными глазами Цзи Сяо.

Запах персикового бренди расцвел на ее плечах, и слабые розовые цветки персика были окунуты в вино, крепкие и нежные.

Она никогда не видела, чтобы Цзи Сяо выглядела так, самая мягкая часть ее сердца была зажата ее ногтями.

Длинная, тупая боль висела в ее сердце, так что она забыла, что ей нужно встретиться с дядей Чэнем.

Она говорила, что ненавидит Цзи Цинъюня, ненавидит его любовь, такую правильную и в то же время несправедливую.

Не из-за этого ли она так мучает себя последние полгода и теперь хочет найти ответы...

- Мисс Вэй. - Низкий голос прервал мысли девушки.

Следуя за телохранителем, Чэнь Линьцзи мерными шагами направился к Вэй Цинъю.

Она сказала, что ненавидит Цзи Цинъюня и его справедливую, но несправедливую любовь к ней.

Зато сейчас, как попавшая в водоворот Цзинь Цинъю, в последние полгода подвергала себя таким мучениям. Быть может и из-за него же она теперь хочет докопаться до истины.

- Госпожа Вэй. - Низкий голос перебил мысли девушки.

За личным стражем к Вэй Цинъю подходил мерными шагами Чэнь Линьцзи.

<http://tl.rulate.ru/book/4215/125873>